

**«ЛИРИЧЕСКИЙ МИР» КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ
ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ИСКАНИЙ
ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. И. ГАЗДАНОВА
ПРИ ВОСПРИЯТИИ ИМИ МУЗЫКИ**

А. А. Кухтенкова

Ключевые слова: лексические текстовые парадигмы, лейтмотив, лирический мир.

Keywords: lexical textual paradigms, leitmotif, lyrical world.

DOI 10.14258/filichel(2021)1-09

Многие исследователи [Боярский, 2003; Диенеш, 1995; Красавченко, 2000; Кузнецова, 2013; Матвеева, 2001] подчеркивают «психологизм»/«автопсихологизм», «психологическую многозначность» произведений Г. И. Газданова, отражение в них «духовной психобиографии» [Асмолова, 2006, с. 5–6, 14]. Ю. В. Матвеева отмечает, что проза Г. И. Газданова характеризуется направленностью «творчества внутрь» и станет отныне достоянием русского литературного зарубежья, формой реализации и формой воплощения его *экзистенциального самосознания* [Матвеева, 2001, с. 149].

Цель статьи — изучение лексической организации смежных лейтмотивов в творчестве Г. И. Газданова, а именно: выявление взаимодействия лексических репрезентаций двух сквозных в произведениях писателя лейтмотивов, определяющих специфику его творчества: *поиски героев гармонического состояния* (что определяется ими как «*лирический мир*») и *музыка*. Основным инструментом исследования — понятие «лексические текстовые парадигмы» (далее по тексту — ЛТП). Опираясь на работы В. В. Степановой, Н. С. Болотновой, Л. Г. Бабенко, Е. Е. Котцовой, мы определяем ЛТП как иерархически соотносящиеся текстовые объединения семантически и функционально сближенных слов, организованных по типу синонимов, или антонимов, или на основании ассоциативно-деривационных и гипонимических отношений, расширяющих свои границы в тексте, в том числе за счет индивидуально-авторских ассоциатов, а также интегрирующиеся с ними собственно текстовые *словесные ряды* (*лексические повторы, кореференты, индивидуально-авторские ассоциативные объединения*) (см. подробнее: [Кухтенкова, 2019, с. 8]).

Межтекстовый лейтмотив *лирический мир* отражает часть внутреннего мира героев писателя, их экзистенциальные поиски. Поиски *гармонического существования, эмоциональной гармонии* противопоставлены в романах *напряженной работе, утомительным разрушительным усилиям для построения утешительной и положительной схемы, трагическому душевному изнеможению, душевной усталости как постоянно действующему медленному яду, состоянию тоски, постоянной печали, постоянному волнению, нервной дрожи, нервной депрессии, непонятной и беспредметной тревоге, тягостному томлению*. Для героев, ищущих *лирический мир*, характерны контрастные состояния: *счастливое спокойствие/судорожный восторг/эмоциональная катастрофа*. Герой-рассказчик объясняет метаморфозную подмену действительности *лирическим миром: действительность создаем мы, такую какой она нам нужна, какой она должна быть*.

Микрополе *лирический мир* при помощи синонимов, ассоциатов, в том числе семантических «компаньонов» (см. подробнее: [Василенко, 2017, с. 13]) прежде всего актуализируется в последнем романе Гайто Газданова «Эвелина и ее друзья». Этот роман в «значительной мере итоговый, завершающий *лирическую исповедь*, начатую «Вечером у Клэр», и наименее изученный в форме «речевого потока». Газданов продолжает творить духовную автобиографию своего вымышленного героя, расширяя и обобщая авторское представление «о нравственно-гуманистических «опорах» человеческого существования в мире» [Алексеева, 2012, с. 94]. В названном романе репрезентация этого лейтмотива ассоциируется со счастьем, гармоничным состоянием героев. Союз друзей (герой-рассказчик, Мервиль, Артур, Андрей, Эвелина), их встречи герой-рассказчик определяет как *погружение в коллективный сентиментализм* или *конфликты сентиментального характера, движение чувств, вздрагивающих, как флаги на ветру*, что соответствует *лирическому миру*, связанному с трогательными отношениями, душевной гармонией; яркое сравнение передает острую, подвижную чувствительность, особую символическую значимость (*флаги*). В диалоге рассказчика и Мервиля в какой-то мере сближаются, но не отождествляются представления о *лирическом мире* и *нирване*: *Это то, что тебя всегда пугало и что я, напротив, готов приветствовать каждый раз, когда у меня появляется эта возможность. — Нирвана? — сказал Мервиль. — Во всяком случае, состояние, которое не требует от тебя никаких усилий, в котором вообще нет таких понятий, как необходи-*

*мость, желание...*²². Следовательно, понимание *лирического мира* варьируется в сознании героев, и один из них, видимо, не согласен в полном сближении этих двух состояний, так как *нирвана* соотносится с отрешением действия.

Временную потерю Мервилем *лирического мира* герой-рассказчик называет *сентиментальным фиаско*. Понятия «сентиментальное» и «романтическое» сближаются, но первое прежде всего подчеркивает чувственный/эмоциональный момент. Лексема *романтический* в текстах писателя связана с мечтательным настроением, состоянием, души героя, идеализацией действительности, игрой воображения (*романтические мечты, романтические преувеличения, романтические представления, романтические причины, романтическая натура, навечно романтически*).

Проявление *лирического мира* в состояниях Эвелины соответствуют ее *бурным увлечениям* (*охватывало бурное чувство, бурные перемены, неудержимый разгон эмоционального движения, эмоциональные глубины, блаженное небытие*). *Ее чувства опережают события ... которые кончались так же внезапно, как начинались*. Такое проявление *лирического мира* не связано с пониманием *нирваны*, о чем свидетельствуют наречие меры и степени *внезапно*, векторные антонимы *кончатся/начинаться*, синлексивный интенсификатор *неудержимый разгон*, синонимы-интенсивы (*бурный/ое, неудержимый*), образ множества *глубины*.

Лирический мир предполагает чувство влюбленности героя. Рассказчик говорит: *В этот период моей жизни я тоже не представлял себе существования без мысли о Сабине, и это тоже был, конечно, лирический мир, где слова некоторых стихотворений приобретали магическое значение, понятное только ей и мне и еще, может быть, тому умершему поэту, который в случайном вдохновении сказал именно то, что должны были бы сказать мы*.

Приведем частотность употребления ключевого словосочетания *лирический мир*: в романе «Эвелина и ее друзья» — 10 раз; в романе «История одного путешествия» — 5 раз, с метафорическими существительными (*лирические пассажи, лирический океан, лирические путешествия, лирический поток*); в романе «Пробуждение» — 4 раза (почти всегда — о поэзии); в романе «Призрак Александра Вольфа» — 3 раза в метонимическом словосочетании (*лирические рассказы*). Любовь Мервила к Сильвестер неразделима с определенным музыкальным звучанием,

²² Здесь и далее цитирование фрагментов текста Г.И. Газданова «Эвелина и её друзья» (1968) осуществлено по изданию: Газданов Г.И. Малое собрание сочинений. СПб., 2014.

которое характеризуется контекстуальными синонимами (*лирические/прозрачные*) и соотносится с *лирическим настроем*: *И когда я встречаю взгляд ее глаз, — сказал Мервиль, прерывая себя, — мне кажется, что до меня доходят далекие звуки рояля, **лирические и прозрачные**, такие, которых я, конечно, никогда не слышал в действительности.*

Текстовым синонимом к перифразе *лирический мир* выступает словосочетание *лирическая стихия* (на метонимической основе) как символ вдохновения. Катализатором является не только музыкальное звучание определенной душевной чувствительности, но и поэзия: *... возникновению поэзии — теоретически по крайней мере — предшествует какая-то **лирическая стихия**, движение **чувств**, какое-то, в конце концов, **душевное богатство***. Метафора *лирическая стихия* и фразеологизм *душевное богатство* подчеркивают характер интересов, избранности; *движения чувств* — значимый компонент в семантике лейтмотива *лирический мир*. Магия *лирического мира* подчеркивается состоянием Мервиля, которое ассоциируется с *лирическим оценением*: *И вот теперь ты находишься в **лирическом** оценении (попал в плен **лирической стихии** = поглощен ею).*

Ассоциативным фоном *лирического мира* выступает *магическое эмоциональное устремление* как стимул романтического отношения к жизни.

Основу *лирического мира* составляют *романтические идеи* (*блаженного растворения, напоминающего сладостную смерть*), ассоциативно связанные с иллюзиями и противопоставленные *действительности* (подробнее см.: [Кухтенкова, 2016]).

*Мервиль как был, так и остался **романтиком*** (идеалист-мечтатель. — А. К.). Я (рассказчик) *считаю тебя **неисправимым романтиком***. Я *считаю, кроме того, что ты никогда не хотел отказаться от своих **иллюзий** и измерить то расстояние, которое их отделяло от **действительности**. ... ты, **бедный и беззащитный романтик***. Таким образом, Мервиль и герой-рассказчик не представляют своего существования без *лирического мира*, его *эмоционального богатства*. Потребность иллюзорного мира передается синонимами сожаления о герое *бедный, беззащитный*, синонимическим компаньоном *неисправимый*.

Андрей, по причине *эмоциональных блужданий* Мервиля, называет его *Дон Кихотом*, чье *бурное чувство счастья сравнивается с потерян-ным раем*. Аллюзия на странствующего рыцаря подсказывает соответствие *лирического мира **романтическим** преувеличениям*. *Лирический*

мир героя противопоставлен действительности: *вещи могут казаться им не такими, каковы они в действительности.*

Герой-рассказчик лирический мир понимает как метаморфозный переход от действительности к иллюзиям, ему предшествует судорожное ожидание несбывшихся надежд. В определении судорожное здесь вкладывается отрицательное значение (*слишком нетерпеливое*), что проявляется и в подчеркивании ирреальности происходящего сочетанием *наилейственная правдоподобность*, а частотность указанного состояния определяется прилагательным *очередной*. Судорожное желание создать себе какое-то подобие жизни, которое создает романтические преувеличения желаемого душевного существования героя.

Он признается в том, что его мысли о Сабине были *лирическим миром*, ... но все происходящее — результат необыкновенной и *счастливой* случайности и что это, конечно, не может быть длительным, как *путешествие* в поезде, как *полет* в аэроплане.

Между состоянием лирического мира (лирического/сентиментального путешествия на какое-то время) и возвращением в реальное существование находится состояние *счастливой пустоты*: **Теперь** все это было конечно, и одновременно с чувством *избавления* я ощущал *ту счастливую пустоту*, о которой я забыл *за это время*, в которую **сейчас** *вливались* эти *мелодии*... Я подумал тогда, что самое важное **сейчас** было все-таки именно это — *звуковое путешествие*...

Счастливая пустота воспринимается героем-рассказчиком как выход из лирического мира, но еще не действительная жизнь (промежуток между состоянием лирического транса и реальностью, переживанием случившегося). **Теперь** все это было конечно, и **одновременно** с чувством *избавления* я ощущал *ту счастливую пустоту*; Это было *иллюзорным ограждением* от внешнего мира и *уходом от всего*, что меня *иногда* так тяготило в отношениях с людьми и в необходимости поддерживать эти отношения. В целом, по отношению к союзу пяти друзей, используются такие антонимы, как *отраженное* «мнимое» существование, к которому они стремятся, что рассказчик определяет как *ошибку*, *чем-то похожую на оптический обман* и противопоставляет *настоящей жизни*. Именно это сравнение, с точки зрения рассказчика, передает сущность *лирического мира*. Сами герои, стремящиеся достичь *лирический мир*, не определяли его как *оптический обман*. Можно говорить о специальном создании противоречия в изображении *лирического мира* в произведении Г. И. Газданова: с одной стороны, он характеризуется как *иллюзорный оптический обман*, с другой — не раз изображался как ре-

альное счастье в любви молодых людей, как *счастливое ощущение этой перемещающейся массы мускулов и чувств*. Последнее не является иллюзией, миражом.

Рассказчик свидетельствует о том, что Мервиллю *все труднее и труднее вновь находить тот лирический мир, вне которого он не представлял себе счастья*;... *все остальное имело для него второстепенное значение* ... Герой-рассказчик с недоумением иногда вспоминал о Мервиле и его *судорожных поисках лирического мира, без которого жизнь казалась ему пустой*.

Представление о *лирическом мире* не всегда помогает Мервиллю обрести *гармоничное состояние: жизнь проходит в судорожных, но чаще всего неуспешных попытках найти какое-то гармоническое эмоциональное равновесие, которое иногда кажется мне недостижимым*. Синлекса *гармоническое равновесие* контрастирует с интенсивном *судорожных*, определяющим движение чувств к *лирическому миру*.

Межтекстовое ассоциативно-синонимическое поле *лирический мир* активно соотносится в языке произведений Г.И. Газданова с лейтмотивом *музыка*, который разнообразно представлен в текстах писателя [Андреева, 2010; Марков, 2011; Кадырова, 2013; Косенкова, 2014]. На протяжении всего текста романа «Эвелина и ее друзья» идет музыкальное сопровождение того, что связано с пониманием *лирического мира*, и музыка присутствует как «катализатор» этого состояния.

Первые строки этого романа можно рассматривать как «своеобразную увертюру, как его музыкальный код» [Алексеева, 2012, с. 95]. Два лейтмотива (*лирический мир* и *музыка*), несмотря на их близость (пересечение), не «покрывают» в текстах писателя друг друга. Лейтмотив *музыка* соотносится обычно с «*музыкальным рассказом*», восприятием музыкального произведения героем, с именем композитора, искусством импровизатора, участием разных инструментов. В то время как *лирический мир* предполагает особое состояние, которое стремится сохранить в себе молодой герой, ищет его (нередко *судорожно*). И «катализатором» этого состояния является не только музыка.

Эти два лейтмотива трудно разделить в языке Г.И. Газданова: в одних романах, рассказах писатель акцентирует *лирический мир/путешествия/сентиментальный транс* вместе с музыкальным звучанием, в других — только музыкальный рассказ («Пробуждение», «Возвращение Будды», «Вечер у Клэр»). И при этом Г.И. Газданов не использует номинацию *лирический мир*, хотя это состояние героев, воспринимающих *музыку*. Но герои акцентируют внимание на самой *музыке*, а не на своем состоянии поглощенности *лирическим миром*.

Крайнюю степень неразделенности этих лейтмотивов находим в романе «История одного путешествия», где возникает художественный образ *стремительного лирического потока жизни* в рамках шумного музыкального рассказа: *Володя уходил, оборачиваясь, и музыка все гремела* вслед ему, *все возвращалась — и потом, уже отойдя далеко, он все повторял про себя этот шумный, как мир, музыкальный рассказ. И тогда все, что он знал печального и нехорошего, скрылось и исчезло; и жизнь вдруг представилась ему, как стремительный лирический поток. — Только движение, только полет, только счастливое ощущение этой перемещающейся массы мускулов и чувств.*

Дополнительные фрагменты микрополя «музыка» в романе «Эвелина и ее друзья» включают экспрессивизирующие текст метонимические словосочетания (*звуковая тень, тень скользнула, исчезла, звуковое путешествие, звуковое движение*), в романе «Возвращение Будды» — *воздушный танец палочки* и *музыкальные переливы*, а также имена композиторов, музыкальных произведений.

Описания музыкальных концертов являются для героев романа счастливым предзнаменованием *лирического мира* (*было предрешиено, суждено произойти*). Видения-сны (*в воображении*) для героя-рассказчика (*музыкальное вступление, в недалеком будущем*) намекают на обретение желаемого состояния. В соответствии с этим меняется темпоральный вектор (*не тогда, теперь, сейчас, вдруг*): *... вдруг передо мной возникли: теплая ночь на Ривьере, стеклянный ресторан над морем и тот удивительный импровизатор, игра которого теперь в моем воображении была чем-то вроде музыкального вступления к тому, что сейчас происходило, что было предрешиено и что уже существовало, быть может, в недалеком будущем, которое ожидало нас всех в этом случайном соединении: и что, вероятно, не могло произойти иначе, чем ему было суждено произойти.* Здесь важен акцент на субъектноличностном переживании времени.

Поиски Мервилем *лирического мира*, его ожидание или его временная потеря — находят выражение в напоминаниях о любимых представлениях, иллюзиях: *... сейчас возникало представление о далеком и прозрачном мире* (*об иллюзиях, мечтах. — А. К.*), *похожем на удаляющийся пейзаж, облака, воздух, деревья, влажный шум реки.* Исполнение знакомого произведения производит сильное впечатление на Мервиля: внутреннее волнение, смятение героя находит выражение и во внешнем проявлении (*дернулось лицо*), которые было не раз замечено рассказчиком и раньше. Выбор «*Венгерской рапсодии*» композитора Ф. Листа не случаен, так как эта музыка проникнута импровизацией: обилие

мелизмов (всевозможные украшения звуков), лиричное, мелодическое развитие с контрастными элементами обеспечивают вариацию звучания и разнообразие музыкальных тем. Пунктирный аккомпанемент и ладовые обороты портретируют поиски героев *лирического мира*, это отмечает герой-рассказчик: *По-видимому, игра пианиста полна совершенно определенного содержания. Ты видишь, и у тебя, и у меня она вызвала одну и ту же мысль. Музыкальный, а вместе с ним и лирический мир при помощи сравнения становится пейзажным, используется водная метафора и метонимический синестетический (тактильно-слуховой) образ: вливались мелодии и влажный шум реки.*

Повторяющийся звук (*плачущий и долгий*) скрипки в романе «Призрак Александра Вольфа» выражает мельчайшие оттенки проявления человеческой души, которая стремится к *лирическому миру*: *Играл оркестр венгерских цыган — с плачущими звуками скрипок, с неизменными и тягостно-соблазнительными удлинениями мелодии, которые внезапно обрывались и вслед за которыми начинался быстрый ритм...* Маркерами переживания героя можно считать характеристику музыкального звучания через олицетворения мелодий (*плачущие, тягостно-соблазнительные*).

Для творчества Г.И. Газданова характерна антропоморфная музыкальная метафора (*немая симфония*), что не передается словами, фразами (родовая и видовая лексемы здесь становятся контекстуальными синонимами, противопоставленными указанной метафоре): *То, что приближало ее к Мервиллю, было похоже на немую симфонию, в которой слова были только далеким и неверным отзвуком чего-то, что не укладывалось в последовательность фраз и что было в эти минуты важнее всего другого. Немая симфония как далекий неверный отзвук имплицитует лирический мир.*

Роман «Эвелина и ее друзья» заканчивается описанием гармонии музыки и человека, создающей *лирическое состояние*. Эта музыка звучит во время встречи пятерых друзей, что говорит о неразделимости их союза, объединенного идеей *лирического мира*. Против этого союза бессильны обстоятельства, время (*так же, как год тому назад*) и расстояние:

На эстраде певец в русской вышитой рубахе, с гитарой в руках пел глубоким баритоном и его гитаре вторил под сурдинку оркестр... Все было так же, как год тому назад. ... в это пространство, зал кабаре, не доходили и не могли прийти никакие отзвуки внешнего мира.

Итак, лейтмотив *лирический мир* в произведениях Г.И. Газданова представлен варьирующимся ассоциативным межтекстовым микро-

полем, центр которого сосредоточен на выражении иллюзорного состояния счастья, влюбленности, одухотворенности, гармонического существования. «Катализаторами» этого состояния, кроме музыки, являются поэзия, искусство. Выразителями этой семантики становятся, с одной стороны, контекстуально-синонимические сверхсловные единства, актуализирующие динамику чувствительности, ее интенсивность, с другой стороны, атрибутивные словосочетания, варьирующие название *лирического мира*.

Наиболее подробно и ярко лейтмотив *лирический мир* представлен в романе «Эвелина и ее друзья». Ассоциативно-синонимическое микрополе контрастно воспринимается на фоне подробно воссозданном во многих произведениях Г. И. Газданова состояниями *душевной усталости, печали, ледяного томления, душевных катастроф*. Явление *лирического мира* в произведениях Г. И. Газданова как результат поисков писателем сущности *гармонического состояния* перекликается с им же открытыми, похожими душевными состояниями, такими как *третья жизнь* (см. одноименный рассказ); *полет* как «устремление, порыв» (роман «Полет»), *нирвана* (роман «Возвращение Будды»).

Идея *лирического мира* особо значима в идиолексиконе Г. И. Газданова, поскольку это одно из ярких проявлений исповедального начала в произведениях писателя. Установлено, что изображение *лирического и музыкального мира* в языке произведений Г. И. Газданова активно взаимодействуют друг с другом. Кроме того, эти два лейтмотива локализованы в разных группах произведений писателя.

Библиографический список

Алексеева Н. В. Поэтические функции круга в романе Г. И. Газданова «Эвелина и ее друзья» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (2). С. 95–97.

Асмолова Е. В. Своеобразие художественного психологизма в романах Газданова : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Василенко А. Г. Графически выделенное слово в лексической организации текста (на материале художественных и публицистических произведений Ю. В. Трифонова) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017.

Кухтенкова А. А. Лексико-тематическая сетка ассоциативно-семантического микрополя литературного героя (по роману Г. И. Газданова «Эвелина и ее друзья») // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3. С. 141–147.

Кухтенкова А. А. Лексические текстовые парадигмы в языке произведений Г. И. Газданова: структура, семантика, функционирование : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2019.

Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Реализация проблематики «реальное/иллюзорное» в постмодернистском романе Али Смит «Зима» // Филология и человек. 2020. № 2. С. 114–126.

Мансков А. А. Сказка и реальность в новелле С. Д. Кржижановского «Украденный колокол» // Филология и человек. 2020. № 3. С. 87–97.

Матвеева Ю. В. Экзистенциальное начало в творчестве Гайто Газданова // Дарьял. 2001. № 2. С. 147–179.

Синегубова К. В. Лирический поиск в «разных стихотворениях» Д. Самойлова // Филология и человек. 2017. № 1.

Шубин Р. В. Двойничество в рассказах В. Шукшина (в аспекте русской герменевтики) // Филология и человек. 2015. № 4. С. 59–69.

Источник

Газданов Г. И. Малое собрание сочинений. СПб., 2014.

References

Alekseyeva N. V. *Poeticheskiye funktsii kruga v romane G. I. Gazdanova «Evelina i yee druz'ya»* [Poetic functions of the circle the novel by G. I. Gazdanov «Evelyn and her friends»]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Vyatka state University for the Humanities Bulletin]. 2012. No 4.

Asmolova E. V. *Svoyeobraziye khudozhestvennogo psikhologizma v romanakh Gazdanova* [Originality of artistic psychologism in Gazdanov's novels]. Doctor of Philol. Diss. Moscow, 2006.

Vasilenko A. G. «*Graficheski vydelennoye slovo v leksicheskoy organizatsii teksta (na materiale khudozhestvennykh i publitsisticheskikh proizvedeniy YU. V. Trifonova)*» [Graphically marked words in lexical organization of text in Trifonov's literary and public writings by Yu. V. Trifonov]. Cand. of Philol. Diss. Novosibirsk, 2017.

Kukhtenkova A. A. *Leksiko-tematicheskaya setka assotsiativno-semanticeskogo mikropolya literaturnogo geroya (po romanu G. I. Gazdanova «Evelina i yee druz'ya»)* [A. A. Kukhtenkova The lexico-thematic grid of the associative-semantic microfield of the literary hero (based on the novel by G. I. Gazdanov «Evelina and her friends»)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk state University Bulletin]. 2016. No 3.

Kukhtenkova A. A. *Leksicheskiye tekstovyye paradigmy v yazyke proizvedeniy G. I. Gazdanova: struktura, semantika, funktsionirovaniye*

[Lexical text paradigms in the language of works by G. I. Gazdanov: structure, semantics, functioning]. Cand. of Philol. Diss. Novosibirsk, 2019.

Lushnikova G. I., Osadchaya T. Yu. *Realizatsiya problematiki «real'noye/illyuzornoye» v postmodernistskom romane Ali Smit «Zima»* [Lushnikova G. I., Osadchaya T. Yu. Realization of the «real / illusory» problematic in Ali Smith's postmodern novel «Winter»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2020. No 2.

Manskov A. A. *Skazka i real'nost' v novelle S. D. Krzhizhanovskogo «Ukradenny kolokol»* [Manskov A. A. Fairy tale and reality in the novel by S. D. Krzhizhanovsky «The Stolen Bell»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2020. No 3.

Matveyeva Yu. V. *Ekzistentsial'noye nachalo v tvorchestve Gayto Gazdanova* [Existential theme the novel by G. I. Gazdanov]. *Dar'yal* [Darial] 2001. No 2.

Cinegubova K. V. *Liricheskiy poisk v «raznykh stikhotvoreniyakh» D. Samoylova* [Lyrical Search in «Different Poems» by D. Samoylov]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No1.

Shubin R. V. *Dvoynichestvo v rasskazakh V. Shukshina (v aspekte russkoy hermenevtiki)* [Shubin R. V Duality in V. Shukshin's stories (in the aspect of Russian hermeneutics)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2015. No 4.

List of sources

Gazdanov G. I. *Maloye sobraniye sochineniy* [Small collection of works]. St. Petersburg, 2014.